№ 66—67 Январь — Февраль 1936 года Цена 15 сентов

Рос 4-4 1-105

Д2022

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА
64-200

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE
9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 66—67 ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 1936 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: **Ж. ГРАВ.** Итало-эфиопский конфликт. — **П. А. КРОПОТКИН.** Почему мы бунтари? — **Б. ГЕРШЕФЕЛЬД.** Женщина. — **Н. ЛЕБЕДЕВ.** П. А. Кропоткин, как теоретик био-социологического закона взаимопомощи. — **А. С.** Анархизм и русская революция. — **П. ПАЛЬЧИНСКИЙ.** П. А. Кропоткин и техника. — **ЖАН ГРАВ.** К молодежи. — **Л. ЛИПОТКИН.** Власть и анархия. — **МИНСКИЙ МУЖИК.** Музей П. А. Кропоткина в Москве. — **М.Р-Н.** Разложение семьи. **К. Д.:** Письмо в редакцию. — **МУРОМЕЦ.** Письмо из Парижа. — **П. А. КРОПОТКИН.** Письмо (Из дневника). Смесь.

ИТАЛО-ЭФИОПСКИЙ КОНФЛИКТ

Мне все еще помнится о тех нелепых разговорах, с помощью которых пытались надуть нас изобретатели этой замечательной организации — Лиги Наций.

Лига Наций обязывалась вмешиваться во все конфликты, останавливать все неоправданные нападения путем создания барьера из своих запрещений вокруг нападающей стороны, а также посредством лишения ее снабжения оружием и военными припасами и всем, что могло бы дать ей возможность совершить нападение.

Лига обязывалась сделать все, от нее зависящее, для возстановления и укрепления согласия среди всех народов.

И вот уже много лет, как в Женеве, под этим узурпированным именем «Лига Наций», царят господа, в действительности являющиеся лишь делегатами различных правительств и дипломатами наций, примкнувших к этой комбинации.

С тех пор, как они там заседают, они сделали немного; вернее сказать, они занимались пустяками, получая в то же время жирные оклады и важничая своим высоким положением.

Только что произошел конфликт, в котором эти господа могли выказать свое знание и умение, свое твердое желание преграждать дорогу всем, чающим стать завоевателями. Италия, управляемая бандитом Муссолини, без всякого предупреждения набросилась на совершенно мирный народ, находящийся в тысячах километров от итальянской границы и никогда не причинявший итальянцам никакого вреда — если не считать того, что этот народ поколотил однажды итальянцев, — и по заслугам, — когда они вздумали, без всякого к тому повода, напасть на него. Как же ведут себя теперь наши женевские приятели?

После того, как нападение состоялось, эти господа стали обсуждать: следует ли применить к нападающей стороне те санкции, какие ранее решено было применять в подобных случаях.

После нескольких недель болтовни, эти господа решили, что, действительно, санкции должны быть применены к Италии. Приняв это решение, они принялись обсуждать, с какого числа эти меры должны были вступить в силу. И, после целой недели или двух обсуждения, было решено, что эти мероприятия войдут в силу две недели спустя.

В течение этого времени война продолжалась, города подвергались бомбардировке, жертвами которой становились мужчины, женщины и дети. А господин Муссолини в течение этого времени имел полную возможность снабжаться всем необходимым.

Потом наступил момент применения санкций. Результат, как мне кажется, получился незначительный, потому что нападающая сторона имела достаточно времени, чтобы обезпечить себя всем нужным, и потому еще, что принятые меры проводились небрежно: в список запрещенных продуктов забыли внести нефть для того, чтобы бандиты господина Муссолина могли позаботиться о средствах перевозки и об аэропланах и чтобы они могли продолжать бомбардировку, уничтожающую женщин и детей, не говоря уже о мужчинах.

Но это еще не все. Ведь, роль Лиги Наций состоит в том, чтобы вмешиваться в конфликты и налаживать мирные соглашения!

И вот что они придумали: Эфиопия, страна, подвергшаяся нападению без всякого к тому повода, должна уступить часть своей территории Италии, нападающей стране. Может ли это обезкуражить страны, одержимые духом завоевания, как выдумаете?

Разве это не переходит все границы и не оправдывает ту критику, которой я подверг Лигу Наций, когда стало известным ее решение?

Лига Наций, писал я, «будучи лишь представительницей правителей и дипломатов, является лишь организацией, где эти лицемеры и шуты будут выступать под другой этикеткой. Ничего не изменится, будет лишь одной ложью больше».

Решения женевского собрания целиком подтвердили мою критику.

Идиоты и бандиты — вот в каком свете представляются нам эти господа.

Бандиты — в том смысле, что они содействуют виновникам нападения в их деле убийства и грабежа.

Идиоты — ибо они ясно показывают, что они саботируют то дело мира, которое они, по их словам, защищают.

Жан Грав.

НА СМЕРТЬ П. А. КРОПОТКИНА

Еще один угас великий Гений.
Не пощадила смерть отважного бойца...
Среди упорных битв, тревоги и сомнений
Примчалась весть и дрогнули сердца.
Он жил надеждою в победу идеала,
В победу истины над злобой и враждою,
Но вдруг подкралась смерть и жизни
Своей невидимой, безжалостной рукой нить
порвала

Пусть телом умер он, сомкнув на веки очи,
Но мысль великая в народе не умрет,
Она рассеет тьму зловещей, жуткой ночи,
И новой стезей мир к счастью поведет.

В. Буденцов.

П. А. КРОПОТКИН.

Почему мы бунтари 1)

Перевод сделан Н. Лебедевым.

Мы бунтари!

Да, мы это открыто и громко заявляем. Мы бунтари, потому что нас возмущает современный строй, в котором рабочий не получает полный продукт своего труда. В современном обществе мы видим на одном полюсе нищету большинства, а на другом — незначительное меньшинство, утопающее в роскоши и богатстве.

Почему это так?

Коренная причина этого заключается в том, что все орудия и средства производства находятся в частной собственности отдельных лиц. В настоящее время все материалы для производства необходимых для жизни людей продуктов находятся в руках капиталистов; благодаря этому, положение трудящихся нисколько не улучшается от прогресса науки и техники. Можно даже утверждать, что современная промышленность и наука как будто бы организованы специально так, чтобы держать трудящихся в рабстве.

В самом деле, механический двигатель — создание науки и техники — вырывает из мозолистых рук рабочего те ручные инструменты, которыми он работал в старое время — молоток, сверло, рубанок, пилу и т. д.

Все эти инструменты техника прилаживает в сложную машину и заставляет эти машины ковать, точить, стругать и металлы и дерево, более точно и более скоро, чем это делал рабочий ручным способом.

Каковы же результаты этой перемены способов производства? Прямой результат этой перемены в области производства был тот, чот дорогие и сложные машины стали доступны только крупным капиталистам, которым простые рабочие вынуждены предлагать лишь свои руки.

Но это еще не все. Благодаря усовершенствованию машин процессы труда все более и более распадаются на элементарные приемы; в современной промышленности разделение труда доходит до мельчайших деталей, и труд механизируется и упрощается. Благодаря этому упрощению отныне становится ненужным ученичество, долгие годы обучения мастерству. Искусство мастера, так дорого ценившееся в былые эпохи, более не нужно; машинный труд требует лишь надсмотрщика, а не искусного мастера.

Какая унизительная роль человека в современной системе производства!

В нас вызывает глубокое чувство возмущения организация общества, в котором внизу — производитель в лохмотьях, черный от грязи, весь в поту, играет роль простого придатка к машине. Об этом живом человеке, обслуживающем машину, меньше заботятся, чем о самой машине... Правда, рабочий считается свободным человеком... Да, свободным... умирать от голода под шум и грохот фабричных станков. Наверху общественной пирамиды мы видим аристократа, капиталиста, паразита-хозяина. Он царит как Юпитер, в роскоши и довольстве, утопет в изобилии. Разве можно, не возмущаясь, жить в таком строе? Но наше чувство возмущения станет еще более острым, когда мы вспомним положение в современном обществе женщины. Женщина из рабочего класса обречена, прежде всего, как и мужчина, на бедность и голод. Но женщине - работнице грозит в современном обществе еще и другое зло — это проституция.

По-истине, печальна судьба всякой девушки из народа!

---

1) Настоящая статья представляет передовицу, помещенную в первом номере журнала «Le Revolte» (Бунтарь) — 22-го февраля 1879 г., издававшегося П. Кропоткиным в Женеве, вплоть до его ареста французским правительством в декабре 1882 года. Эта статья не вошла в сборник «Речей бунтовщика».

С раннего детства она растет без надзора и без надлежащего воспитания. Вся ее семья, — отец и братья, а в большинстве случаев и мать, работают на фабрике или на заводе, и ребенок остается предоставленным самому себе. Когда девушка из рабочего класса подростает, она тоже должна стать работницей, чтобы не быть в тягость семье. Но на трудовом пути молодую девушку работницу ждут тысячи соблазнов; услужливые люди предлагают ей более сытую и обеспеченную жизнь, соблазняют ее нарядами и роскошью.

Многие ли девушки - работницы смогут найти в себе силу, чтобы противостоять соблазну? Сколько найдется таких девушек, чтобы не вступить на этот печальный путь, который ведет не к семейному очагу, но к меблированной комнате кокотки, откуда только один шаг до самых грязных притонов дешевой проститутки. Благодаря таким же причинам держится этот возмущающий душу социальный порядок. Почему существует эта несправедливая форма частной собственности, порождающая все социальное зло и вызывающая нищету среди большинства общества.

Кто является главным защитником частного захвата орудий и средств производства? Кто поощряет это социальное воровство, причиной которого являются голод и проституция?

Главная причина всего этого — государственная власть. В самом деле, в каждой стране существует власть законодательная, которая составляет законы, освящающие частную собственность. Эта власть говорит собственнику: пользуйся своей собственностью по своему произволу и даже злоупотребляй своим правом собственника (Usez et abusez).

Наряду с этой властью существует власть исполнительная, задача которой состоит в том, чтобы охранять существующие законы от нарушения. Всякий, кто нарушает эти законы, даже не ради личной выгоды, но ради интересов всего общества — подвергается судебному преследованию и суд отдает его во власть тюремщика и палача.

Итак, мы бунтари. Созерцание нищеты, царящей в современном обществе, нас возмущает, вид проститутки вызывает в нас чувства негодования против существующего строя. Нас глубоко возмущают все экономические и политические учреждения и государственный порядок, освящающие и поддерживающие весь этот строй неравенства.

Но, так как мы, к сожалению, живем в печальную эпоху, когда «сила создает право», и так как мы не обладаем действительной силой, чтобы разрушить весь этот строй, то мы хотим, по крайней мере, дать выход охватывающему нас чувству возмущения и на странице нашего журнала послать крик протеста возмущенного бунтаря.

П. А. Кропоткин.

ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА

Ушел он от бар к трудовому народу,
Оставил палаты и роскошь дворцов,
Набатом призывным к борьбе за свободу
Звучал его голос в сердцах у бойцов.
В речах его—отблеск восстаний, пожаров.
Он мыслью великой открыл идеал;
Огнем молодые сердца коммунаров,
И в сумрачной жизни всегда зажигал.
В борьбе и скитаньях все дни своей жизни
Повсюду гонимый, он звал нас к борьбе,
Холодные тюрьмы чужбины и отчизны
Нередко его хоронили в себе.
Он умер: и мы, его дети и внуки,
Сегодня пополнили скорбью сердца,
Но в них будут живы призывные звуки
Их в деле борьбы мы дойдем до конца.

А. Тиханов.

ЖЕНЩИНА

Уже при одном проблеске мысли о том, что живут существа, отличающиеся от всех остальных животных разумом и чуткостью и именующиеся людьми, невольно в сознании всякого человека ярким факелом зарождается образ женщины - матери.

Никто не станет оспаривать необходимость участия женщины в физической жизни, где она благодаря своим физиологическим особенностям, вынашивает, а затем, своим особенным усилием, выращивает и своими материнскими ласками и чутьем воспитывает каждого из нас.

Таки образом, исполняя обязанность, предназначенную ей самой природой, неся на себе тяжесть рождения и заботы продления рода, женщина физическим существованием своим занимает первое и главное место в жизни человечества.

Родительница и воспитательница, а потому и истинная представительница рода человеческого, она является и оберегательницей семейного уюта и счастья; служа каждому из нас с самой колыбели, она таким образом (часто сама не сознавая этого), является единственной хранительницей нашей.

Вот почему каждый, кому дорого имя человек, кто осознает и ценит значение жизни человеческой, кто любит и жизнь, и людей, не может не относиться с благоговением к женщине - матери.

Каждый из нас (за исключением случайных несчастливцев, лишившихся своих матерей в раннем детстве) испытал на себе переполненную святости горячую материнскую любовь. Ибо физически, умственно и душевно женщина - мать поглощена любовью к людям-детям ее.

И кто в эти минуты не ощущал необходимости излить свою душу и поделиться всем с самым близким человеком? Лишь тот не имел кому поведать свои тайны, у кого не было близкого душе друга — матери. И редко кто мог заменить мать с ее сочувствием и готовностью делить все. Ибо она, родившая нас, — самая близкая по природе к каждому, кроме неведомого начала тайн бытия, утверждающего зарождение всякой жизни. И вот эта то не случайная, но узаконенная природой материнская любовь, которой проникнуто все существо женщины, и которую она способна беспредельно развить и послать во все уголки мира, облагораживая людей, — и есть та верная надежда на достижение полного блага, осуществление которого вечно ищет человечество и не находит его.

Нет любви более возвышенной, сильной и правдивой, чем любовь материнского сердца.

Владея материнским чутьем, женщина способна направлять свою материнскую любовь на каждого в отдельности и этим она в состоянии оказывать неоценимую услугу всему человечеству. А какая женщина - мать не любит людей вообще? Такой матери нет.

В мире жизни и явлений одна непоколебимая, вечная истина об'яла женщину всей своей силой, именуемой материнской добродетелью. И кто не замечает этого, тот с закрытыми глазами смотрит на жизнь, как несчастный человек.

И в самом деле, кому не приходилось переживать или наблюдать то умиляющее и возвышающее чувство любви, столь ясно выражающееся в беспредельной преданности, какое непоколебимо проявляет мать к своим детям. Кто может так горячо любить, как любит мать свое дитя?

Воистину справедливо речение, что «любви правдивее и прочнее материнской, нет». И женщина лишь одна способна проявить ее. Вот почему ей более свойственно любить людей вообще. Женщина всегда приносит большие жертвы на алтарь жизни, для восстановления общей справедливости, ибо существующий строй, где царствует угнетение и жестокость, опозорил и убил всех детей ее. А природная связь, которая существует между

женщиной матерью и каждым человеком— дитятем ее, об участи которого она инстинктивно печется, по существу своему очень значительна и сильна.

Если присмотреться к общежитию людей, то легко можно заметить, что споры или даже недоразумения, происходящие исключительно между женщинами, явление сравнительное очень редкое. Совершенно противоположное отношение замечается в столь часто происходящих интригах между мужчинами. Мужчины не знают предела своей жестокости. Во всех своих деяниях мужчина проявляет эгоистично себя, почему развивает и внушает ненависть человека к человеку. Женщина же наоборот всегда срывает и с корнем уничтожает проказу властелина - мужчины и этим рассеивает вражду в обществе людей.

Женщина, будучи способна больше любить, чем мужчина, она несомненно является более надежной и полезной участницей в решении судеб человеческих.

Вот почему мы должны всеми нашими возможностями поощрять деятельность женщины во всех проявлениях личной и общественной жизни. И нет сомнения, что при равном, а если возможно, то наибольшем ее участии во всех делах людей, существующее неимоверное количество зла сократится, а ограниченные добрые деяния людей умножатся.

Сами собой создающиеся отношения между людьми, при существующих современных условиях труда, благодаря которым женщина в разных многочисленных учреждениях исполняет одинаковые с мужчиной обязанности, ясно свидетельствуют о том, что достаточно одного ее присутствия, чтобы создалась иная атмосфера, которой не было при ее отсутствии. Таким образом, во имя ее все участвующие в предприятиях и общих делах, добровольно берут на себя обязанность относиться более дружески, справедливо и гуманнее во всех без исключения человеческих связях и отношениях.

Так как женщина - мать является единственной охранительницей человеческого рода, то на нее особенно, как человека и друга людей, всегда должно быть устремлено самое лучшее внимание каждого индивидуума.

Только человек, не имеющий уважения к самому себе, не осознающий себя как личность, не ценящий своего достоинства, может относиться к женщине без уважения. Всеми фибрами души и состоянием человеческого сознания мы обязаны всем тем, что только есть доброго, красивого великодушного и благоразумного в нас, относиться с уважением к женщине.

Итак, по велению природы, по закону естества, по инстинкту, женщина призвана исполнять величайшее в мире дело -- сохранения и продления рода человеческого. А для того, чтобы женщина была в состоянии исполнять эту неоценимую миссию, она одарена высшими качествами любви, красоты — добротой, нравственностью, особым чутьем самосохранения и исключительным чувством материнской ласки.

Готовая всегда жертвовать собою ради детей своих, она является олицетворением личного самоотречения ради жизни других.

Беспредельная материнская любовь, как вечное утверждение жизни, своим значением и смыслом превосходит все человеческие идеи и поэтому может послужить самым надежным источником сближения и соединения всех людей в одну семью.

Ни социальные реформы, ни политические завоевания, ни материальные успехи, ни гражданские войны и революции не сокрушат и даже значительно не изменят вечно плачевное положение человечества. Но лишь материнская любовь в состоянии прекратить все споры и раздоры людей, ведущие ко всевозможным злодеяниям и человекоистреблениям..

В наше столь смутное и исключительно тяжелое время, к великому изумлению многих, женщина вдрруг сама как то очутилась на перепутьи.

Как в общественной, так и в личной жизни женщины, произошел нравственный

перелом, наряду с прогрессом.

Пользуясь ныне общечеловеческими правами и свободой женщина, охваченная условиями жизни, безнравственным бытом, да дикими нравами грубого спорта и военщины, тупой обыденщины и жуткой посредственности, сама омужествела и ожесточала, переменилась до неузнаваемости. Омужествев, женщина стала пить, курить, да не в меру искажать свою нравственность. Что будет дальше?

Пойдет ли женщина по намеченному ей природой пути и использует все права свои на благо человечества, или посодействует повести род людской к еще большим страданиям? Будет ли она, как ей подобает, быть живым воплощением нравственности и добродетели и символом вечной взаимной любви, или же она поспособствует еще больше тиранить и уничтожать мир человеческий?

Воистину от нее во многом зависит судьба человечества.

Женщины, коих мужчины всегда желают видеть совершенными существами, совершенными и высоконравственными, совершают большую ошибку, когда цепляются за такие дела, от которых и мужчине необходимо отказаться.

С тех пор, как женщина приступила к своему освобождению, мы приветствуем ее и всеми возможностями содействуем ей, как успешному на этом поприще начинанию, так и чуткому проявлению всех интеллектуальных черт ее души. Мы также готовым позаимствовать все то, что есть в ней достойного и примерного, до сих пор скрытого для полного понимания и изучения. Да с своей стороны мы готовы внедрить в нее все, что только есть в нас подобающего и достойного: отвагу и храбрость, стойкость характера, выносливость, беспредельное мечтание и неутомимое трудолюбие.

Ныне же, вступивши на все посты общественности и занявшись «серьезными» делами, будучи министром и судьей, или доктором и юристом, как и конторщиком и коммерсантом, женщина, в большинстве случаев огрубела, стала черствой и жестокой, превратилась в некое полуженское (не то полумужское) существо. Будучи министром или судьей, она так же, как и мужчина, стала судить и рядить бездушно, по написанному закону, а не по велению здравого разсудка и чувству любящего сердца.

Будучи доктором, она в большинстве случаев, холодностью не отличается от доктора - мужчины и проникнута таким же больничным безразличием и черствым чувством, да невниманием к тяжко страдающим больным.

Будучи юристом, она занимается такими же пустыми и позорными делами, как и все адвокаты: защищает своих клиентов, правы они или неправы. И не взирая на свое недавнее бесправие и рабство, современная женщина (усвоив мужские навыки) очень мало беспокоится об истинном правосудии и справедливости вообще. И будучи конторщицей или коммерсантом, она также безстыдно делает то, что и мужчина: лжет, лицемерит, обманывает, да с хвастовством обирает всякого с кем имеет деловые связи. Таково общее положение вещей в современном мире реальностей. И женщина, охваченная духом бездушной эпохи, тоже не подает достойных примеров.

***

На-днях мы читали в газетах о том, как гордые и наивные женщины на Кубе организовались в военные батальоны. Газеты и радио громко извещали об этом «великом событии», а женщины, молодые и наивные, в безумной пляске военщины потеряв голову и сердце, позировали в смешных мундирах - формах, в этих облачениях государственных законных убийц. И рыдала душа каждой женщины - матери, дочери мира и любви, — за участь извращенных дочерей своих — женщин— детей современности.

Но временный уклон этот несомненно пройдет и настанет время, когда всякая женщина, чуткостью своего материнского сердца станет внимать голосу души сво-

П. А. Кропоткин, как теоретик био-социологического закона взаимопомощи

В 1859 году появилось в свет известное сочинение Чарльза Дарвина «Происхождение видов». В этом произведении Дарвин формулировал, как известно, свой биологический закон борьбы за существование. Теория Дарвина произвела полный переворот во всем научном мировоззрении девятнадцатого века, и ее выводы стали считаться незыблемой основой всего естествознания. Дарвин и его последователи утверждали и доказывали, что «борьба за существование» или «борьба за жизнь» является основным законом биологии и главным фактором прогрессивной эволюции всего животного мира.

Влияние дарвинизма не ограничилось только областью естественных наук, но очень скоро идея борьбы за существование проникла и в область наук социальных. Многие социологи, экономисты и историки стали рассматривать общественную жизнь людей и весь исторический процесс с точки зрения дарвинизма и в своих сочинениях стремились доказать, что закон борьбы за существование царит также и в мире людей и является главным законом прогресса и исторического развития народов.

Победа дарвинизма, понимаемая в его узком смысле, в эпоху семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века была настолько полной, что никто не осмелился подвергнуть сомнению истинность и действительность этой теории и усумниться в прогрессивном и благодетельном значении борьбы за существование, хотя очень многие чувствовали всю безнравственность этого закона в приложении его к человеческой жизни. Великий русский писатель и моралист Лев Толстой один из первых возмутился безнравственностью закона борьбы за существование и еще в своем знаменитом романе «Анна Каренина» устами Левина высказал протест против этого закона и даже отрекся, благодаря этому, от самой науки. «Закон природы, — рассуждал Толстой, — не может противоречить законам нравственности и разума, а борьба — безнравственна и неразумна, а потому она не может быть истинным законом жизни; если же наука признает этот закон основным законом жизни, то эта наука не настоящая, а ложная».

Но критика Толстого не была обоснована научно и поэтому была мало убедительна для большинства людей, тем более, что почти все ученые, приводя бесчисленные примеры из жизни разнообразных животных и людей, доказывали вполне ясно и определенно, что борьба за существование является биологическим фактором и что оспаривать его бесполезно и ненаучно.

Но, вот осенью 1890 года в английском научном журнале «Nineteenth Century» появляются очерки П. А. Кропоткина под заглавием: «Взаимопомощь среди животных», а весной 1891 года в том же журнале его статья «Взаимопомощь среди дикарей». В этих статьях П. А. выступает с смелой критикой общепринятых положений дарвинизма и доказывает, что основным законом жизни и прогрессивным фактором эволюции является вовсе не закон борьбы, а закон взаимной помощи. Многочисленными и красноречивыми примерами, взятыми из жизни самых разнообразных животных, насекомых и птиц, П. А. строго научным образом обосновывал и подкреплял свои выводы и утверждал, что те виды животных, у которых индивидуальная борьба доведена до минимума, а практика взаимной помощи достигла высшего развития, оказываются неизмен-

---

ей, как и воплю всего человечества — детей своих, и — бесповоротно пойдет по единому гуманному пути, намеченному ей самой природой.

Немыслимо, чтобы женщина делала мир таким жестоким и безсердечным, каким делает его мужчина. Ибо любовь в сердце женщины - матери никогда не угаснет.. И в конечном итоге, эта любовь восторжествует!

Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД.

ко наиболее многочисленными и наиболее приспособленными к дальнейшему прогрессу».

В своих очерках о взаимопомощи среди животных П. А. говорит, что только благодаря недостаточно внимательному наблюдению ученые исследователи могли сделать заключение, что в мире живых существ царит, главным образом, борьба и соперничество, тогда как более близкое знакомство с жизнью большинства животных приводит исследователя как раз к обратному заключению, т. е. признанию, что среди почти всех видов животных взаимная помощь и взаимная поддержка являются господствующими факторами.

Интересно отметить, что после появления этих статей П. А. в печати никто из дарвинистов не осмелился выступить с критикой взглядов П. А., и тот же Гексли, незадолго перед этим утверждавший в своей нашумевшей лекции в Оксфордском университете, что весь мировой процесс, включая сюда и человечество, есть не что иное, как «кровавая схватка зубами и когтями», обошел молчанием появление статей П. А. Кропоткина.

В 1892—1894 г.г. в том же журнале «Nineteenth Century» появился еще ряд очерков П. А., в которых он разбирал вопрос о взаимопомощи среди варваров и в эпоху средних веков, а в 1902 году на английском языке вышла книга П. А. — «Взаимопомощь, как фактор эволюции» 1).

В этой книге П. А., описывая общественную жизнь различных насекомых, птиц, животных, первобытных людей, варваров и современных цивилизованных народов, красноречиво доказывает, что взаимопомощь является тем связующим цементом, без которого невозможна никакая общественная жизнь и вообще невозможна никакая организация. «Природа не делает ни одного движения, — говорит П. А., — общество не выполняет ни одной цели, космос не подвигается ни на шаг вперед без зависимости от кооперации... Согласно биологическим законам, — продолжает далее П. А., — только в соединении друг с другом, — будут ли то соединения атомов, клеточек, животных или человеческих существ, — могут индивидуальные единицы совершать какой - либо прогресс, и создание таких соединений является во всяком случае первым условием прогрессивного развития».

Таким образом, П. А., выдвигая свою теорию взаимопомощи и солидарности, подрывал основы «дарвинизма» в его узком толковании и заставлял всех естественников пересмотреть тщательнее свои теории и утверждения относительно прогрессивного значения борьбы за существование, понимаемой, как «схваку когтями и зубами».

Теория взаимопомощи не явилась у П. А. плодом книжных и чисто теоретических изучений, но она была результатом его долголетних научных исследований и размышлений. Еще в период 1864—1866 г.г., т. е. вскоре после выхода в свет «Происхождения видов», П. А., путешествуя по Сибири и Дальнему Востоку, и будучи под свежим впечатлением книги Дарвина, старался отыскать среди сибирских животных то обостренное соперничество между животными одного и того же вида, на котором Дарвин строил свой биологический закон. Однако, наблюдения над жизнью животных восточной Сибири показали как раз обратное: «Многие животные и птицы, — говорит П. А., — об'единялись между собою в большие стада или стаи, чтобы совместно бороться против неблагоприятных естественных условий».

Под впечатлением этих наблюдений у П. А. уже тогда возникла мысль о том, что на-ряду с законом борьбы за существование в животном мире существует также и закон взаимной помощи. Однако, в то время П. А-чу не удалось формулировать

---

1) По-русски была издана в 1906 г. И. К. «Знание», но была вскоре, по выходе арестована царским правительством. В 1907 году вышла в издании Орехова СПБ. в сокращенном виде, при чем фамилия автора была заменена инициалами — «П. Кр—ин».

и обосновать этот закон, так как он в эту эпоху был поглощен всецело чисто - географическими исследованиями и работами в области геологии. К вопросу о взаимопомощи он вернулся только спустя двадцать лет после этого, а именно в 1883 г., когда он, сидя во французской тюрьме (куда он попал по проискам и настоянию русского правительства) стал перечитывать сочинения Дарвина. Но и на этот раз ему не удалось разработать вопрос о взаимопомощи, так как он в это время был занят обоснованием своей социальной теории анархического коммунизма. И только в 1888 году, живя в Англии, П. А. приступил к систематическому изложению своих идей по вопросу о взаимопомощи в животном мире.

Доказав существование закона взаимопомощи среди животных, П. А. распространил этот закон и на социальную жизнь людей. «Общественная жизнь людей, — говорит он, — зиждется на сознании, хотя бы инстинктивном, человеческой солидарности, на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех и на чувстве справедливости.

Развивая эти мысли в ряде очерков— «Взаимопомощь среди дикарей», «Взаимопомощь среди варваров»,, «Взаимопомощь в средне - вековом городе» и, наконец, «Взаимопомощь в современном обществе», П. А. доказывает, что взаимопомощь и солидарность являются главным фактором общественной жизни и что действительный прогресс и культура создаются только при помощи этих факторов.

Несмотря на сокрушительные силы централизованной государственной власти, несмотря на все учения индивидуализма и проповедь борьбы, — взаимопомощь и солидарность, по мнению П. А., всегда практиковались и практикуются народными массами в своей повседневной жизни. и «даже в наши дни, — говорит П. А.,— когда крайний индивидуализм, т. е. забота прежде всего о самом себе, проповедуется словом и делом, — даже теперь, как только мы начнем присматриваться к жизни народных масс, нас поражает прежде всего та огромная роль, которую играют в человеческой жизни даже в настоящее время начала взаимной помощи и взаимной поддержки»... «Без взаимной помощи, — замечает П. А. в другом месте своей книги, — человечество не могло бы прожить даже нескольких десятков лет».

В опровержение буржуазно - экономической теории Мальтуса о том, что среди людей должна неизбежно существовать жестокая борьба за жизнь, так как эта борьба представляет результат того факта, что размножение людей на земле идет гораздо быстрее размножения продуктов питания, — П. А. еще в своей книге «Завоевание хлеба» (или «Хлеб и Воля») доказал, на основании статистических данных, что человек увеличивает свою производительную мощь гораздо быстрее, чем он сам размножается. Так, например, в Англии с 1842 года по 1892 год население увеличилось на 62%, а его производительность возросла по меньшей мере на 130%. Во Франции, где население увеличилось меньше, чем в Англии, рост богатства и производительности шел не менее быстро, чем в Англии. «Несмотря на кризис сельского хозяйства во Франции, — говорит П. А., — несмотря на препятствия со стороны государства, производство пшеницы во Франции за последние 80 лет учетверилось, а производство промышленное более, чем удесятерилось... и это несмотря на то, — добавляет П. А., — что в Англии и во Франции тысячи людей занимаются в то же время самым непроизводительным трудом, тысячи людей ведут жизнь паразитов и эксплоататоров».

П. А. Кропоткин глубоко верил в творчество и созидательную мощь народных масс и он утверждает, что все экономические и социальные учреждения, поскольку они являются результатом свободного творчества народных масс, происходят из вечно живой склонности человека к взаимной помощи и являются результатом общественной солидарности.

«Чувство взаимопомощи, — говорит П.

А., — ищет и в наше время путей для проявления своей силы; оно ищет средств для создания новых социальных учреждений, которые уже не будут ни политическим государством, ни средневековым вольным городом, ни деревенской общиной, ни родовым строем дикарей, но, отправляясь от всех этих форм, будут совершеннее всех их по глубине и по широте своих гуманных начал».

В процессе своего развития инстинкт взаимопомощи и чувство солидарности не только расширяются, захватывая все более и более широкие круги людей, но и углубляются. Так из первоначального инстинкта взаимопомощи развилось с течением времени чувство сострадания, симпатии, доходящее у некоторых людей даже до самопожертвования. Взаимопомощь и солидарность способствовали также и зарождению у человека понятия справедливости. Все эти три свойства человеческой природы — взаимопомощь, справедливость и сострадание лежат в основе всех наших этических понятий, и доказательству этого П. А. посвящает свой последний большой труд «Происхождение и основы нравственности», который является как бы синтезом всех научных и социально - политических идей П. А.

Заканчивая свой настоящий очерк, я должен еще прибавить, что П. А., признавая взаимопомощь, как фактор прогресса и эволюции, этим самым не отрицал закона борьбы за существование и не отвергал самую борьбу. Он только расширял и углублял основные теории Дарвина, и, ставя на первое место творческий фактор взаимопомощи и солидарности, видел в нем лишь более этический, более прогрессивный и более действительный способ борьбы за существование.

П. А. признавал, и на этом, я думаю, нет надобности настаивать, что жизнь природы и социальная жизнь людей проникнуты началом борьбы.

Борьба есть неизбежная форма человеческой деятельности, и человек, что бы он ни созидал, всегда наталкивается на естественные, природные или социальные препятствия, которые он так или иначе должен устранить или преодолеть. Борьба необходима и неизбежна, но она благотворна и этически законна лишь в том случае, когда она носит сама творческий характер, когда она разрушает или уничтожает естественные или социальные препятствия, мешающие свободному проявлению творческих сил. В частности, социальная борьба тлько тогда благотворна и прогрессивна, когда она, уничтожая старые формы социальной жизни, способствует возникновению новых учреждений, основанных на более широких принципах свободы, справедливости и солидарности.

Теория П. А. Кропоткина о взаимопомощи имеет глубокое значение, и приложение ее к биологии и социологии будет иметь важные и чрезвычайно плодотворные последствия. Задачей науки ближайшего будущего является раскрытие всего смысла и значения этой теории, которая открывает нам новые обширные горизонты и неизмеримо расширяет современное научное мировоззрение.

Н. ЛЕБЕДЕВ.

Г. Дмитров, 1921 г.

ын

АНАРХИЗМ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Чему учит опыт Русской Революции нас, анархистов? Что мы можем взять из этого опыта? Ясно, что перед лицом его мы должны беспощадно и строго взвесить все наши прежние приемы, тактику и самые основные наши принципы. У нас нет мундира, честь которого заставляла бы нас что либо замалчивать, у нас нет партийности, из-за которой нам нужно было бы белое называть черным, черное белым, нет — прямо и откровенно должны мы посмотреть на себя в окружающее, чтобы быть в состоянии дать себе ясный отчет во всем...

Конечно, время для полной оценки еще не наступило и все что мы можем сделать сейчас — дать выявиться наиболее бросающемуся в глаза.

И прежде всего ясно, что все наши основные, исходные моменты подтвердились опытом Русской Революции — блестяще. Блестяще, как никогда, выявилась жизненность анархической критики власти и государства.

Но кроме того, выяснилось и еще одно старое как бы недоразумение. И результат такого выяснения можно кратко формулировать, сказав, что между анархизмом и синдикализмом соотношение совершенно то же, что между анархизмом и любой социалистической партией, что всякое сопряжение анархизма с синдикализмом, является настолько же наивным, насколько было бы наивно воображать себе союз анархистов с германской социалдемократией.

В самом деле, есть разные формы власти — власть военная, власть политическая, власть экономическая и т. д. Точно так же можно сказать, что характер государственности определяется характером власти, из которой она исходит. Поэтому можно говорить о государстве военном, о государстве политическом, или о государстве экономическом и т. д. Понятно, что в конце концов каждое государство не есть монополия одной только формы власти, но всех... Однако то или другое может преимущественно пользоваться особенно какими либо определенными формами власти, что не только не исключает, но даже предполагает, что в критические моменты любая государственная власть не остановится ни перед чем, чтобы отстоять себя, и даже более, утвердившись в одной форме властвования, государство немедленно охватывает и захватывает и все другие... Таким образом, по существу безразлично, каков характер государственности, — раз это государственность — она не может ограничиться только одной, или частью возможных форм проявления этой власти, но так сказать, должна воспользоваться во все стороны...

Так, в государстве политическом, допустим, в любой современной демократии, когда это нужно для властвующих, они пускают в ход и военные, и экономические рессурсы... Все, своершенно все, свободы нарушаются, происходит то, что носит название отмены конституционных гарантий. А так как эта отмена зависит от самой же власти, то ясно, что в сущности никаких гарантий и нет, да никогда и не было, ибо всякая отмена может да и на самом деле всегда мотивируется словами волка в известной крыловской басне: «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»... Таким образом ясно и категорически можно утверждать, что даже в так называемое мирное время государственная власть как бы она себя ни определяла, есть просто власть, как таковая, власть никогда и ни перед чем не останавливающаяся, если ей это станет в любой сометн нужно.

Практика всех революций вообще является особенно яркой иллюстрацией сказанного. Отсюда следует, что как бы и чем бы себя ни мотивировала власть, а стало быть и стремление к ней — для нас, анархистов, безразлично.

Но попробуем себе уяснить — чего добивается течение, пытающееся захватить в свои руки производство?

Конечно власти!

Власти экономической, а стало быть и

всякой другой... И пусть синдикалисты не говорят так презрительно о государстве и политике, ибо их стремление — экономическое государство, и их тактика — экономическая политика, их опора — «политическая экономия». Все решительно все, что они сейчас говорят о «гарантиях», будет брошено и растоптано в тот же момент, как только власть будет в их руках, все разговоры о производственности органически станут разговорами о «необходимости» для производства установления «единого идейного содержания» и т. д., совершится абсолютно та же эволюция, какая произошла в течение Русской Революции.

Таким образом можно совершенно окончательно установить, что синдикализм, индустриализм и т. д. суть особые формы течений, стремящихся к захвату власти.

С этой точки зрения совершенно правы большевики, когда утверждают себя подчас синдикалистами... Это два пути приводящие к единому результату — государству...

Экономическое государство есть или плутократия, или демократия. Но до сих пор эти термины понимались в их политическом смысле. Если же мы их истолкуем в экономическом, то и получим в последнем случае тип синдикалистического государства. Демократическое, понимая это слово в экономическом смысле, государство и есть идеал синдикализма. Все это движение построено на захвате производства, на производственной дисциплине и т. д. Поэтому как ни открещивается синдикализм от демократизма политического, по существу он является типичным экономическим демократизмом. И является величайшей наивностью думать, что анархизм и синдикализм родственны между собою.

Для анархистов есть возможность попытаться рассматривать синдикаты, как своеобразные «союзы эгоистов» М. Штирнера, но при ближайшем исследовании и эта возможность исчезает как дым, ибо в конце концов, чистый синдикализм, как и чистый индустриализм суть лишь следующие этапы развития марксизма вслед за первым примитивным его проявлением в форме социал - демократизма.

Классовая точка зрения есть основная предпосылка синдикализма или индустриализма. У интеллигентов, как Сорель, Лягардель и др. эта предпосылка осознана, а у рабочих она органически вырастает из ненормальных форм быта. Для анархиста классовая точка зрения абсолютно неприемлема, ибо он как существо волящее, волит должное и лишь считается с необходимым, тогда как марксизм хочет внешнюю необходимость сделать внутренней.

Не все ли равно для анархиста, к какому бы он направлению ни принадлежал, что у власти станут десять человек или один — сущность насилия от этого не изменится.

Воображать же себе, что рабочие, оказавшись у власти будут ангелами хранителями социальной справедливости, к сожалению могут только немногие.

Тред-юнионизм, социал - демократизм, синдикализм, индустриализм — суть различные области стремления к захвату власти, к устройству экономического, демократического государства. Поскольку все эти течения имеют в себе момент освобождающий, постольку мы, анархисты, им не препятствуем, ибо освобождающие моменты были и в революции английской 48-го года, и в революции французской 89-го года и в других революциях, но как там, так и теперь всегда наступал и будет наступать момент создания, так называемого, революционного правительства.

Этот момент, как об этом еще писал Бакунин, есть начало реакции, начало умирания революции, ибо революционного правительства по существу быть не может: или это нечто революционное и тогда оно не может быть правительством, или это нечто есть правительство, и тогда оно не может быть революционным; выражение: «революционное правительство» — имеет столько же смысла, сколько его содержится в словах: железная вода или круглый квадрат. Поэтому, совершенно понятно, что все течения, которые ставят своей задачей установление того или другого, по

их мнению, идеального «порядка» должны в известной мере начать этот порядок вводить и, таким образом, неизбежно приходят к созданию революционных правительств». От этой участи не может уклониться и синдикализм, так как он именно желает определенного «порядка». Только мы, анархисты, люди в этом смысле «без порядка» останемся в резко отмежевавшемся положении, ибо мы считаем, что «порядок установится как следствие соглашения, но отнюдь не принуждения и, может быть, с точки зрения синдикалистов, буржуа, социал - демократов, феодалов—этот «порядок будет действительным «безпорядком»...

Человеческая психика разграфлена по большей части на клеточки той нелепой жизнью, какая сейчас существует... И каждый соединяется с людьми, у которых психика разграфлена аналогично. Вот эти то совокупности одинаково графленых душ и образуют течения, стремящиеся и других людей разграфить, подобным же образом. Свой способ графления люди называют справедливым порядком, а чужой несправедливым. Нас же, анархистов, которые хотят для всех свободы от всякого графления они называют людьми беспорядка.

Тем не менее, синдикализм есть особая, специальная форма графления, которая признает в человеке не его человеческое достинство, — но его производительную стоимость... Понятно, что это уже плюс сравнительно с точкой зрения буржуазной, которая знает человека только как стоимость рыночную, но все же это бесконечно далеко от того просто человеческого достоинства, о котором говорят анархисты. Одни уважают человека за его штаны, другие за его ботинки, третьи за его шляпу и только анархисты хотят иметь дело с самим человеком независимо от его костюма...

И совершенно ясно, что для анархиста синдикализм, уважающий в человеке его работчую силу, или буржуа, уважающий в человеке его золотой мешок, хотя и различаются, но не принципиально...

Профсоюзы, созданные у нас в России за последнее время, являются креатурами власти партии, не имеющими абсолютно никакой собственной физиономии— вот то, что неизбежно ожидает в конце концов синдикализм и индустриализм, ибо эти профсоюзы настолько имитируют последних, что для нас, русских анархистов, становится несомненным дальнейший путь эволюции этих течений и путь этот есть тот же захват власти, создание революционного правительства под предлогом упрочения производства, а затем... затем старая песня о народе, которому останутся одни вершки при посадке картофеля и одни корешки при посадке пшеницы.

Что же касается анархо - синдикализма, то это просто железное дерево и пора понять, что или анархизм, или власть —tatum non datur.

А. С.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Не входя в рассмотрение теоретических и организационных разногласий, существующих между журналами «Дело Труда» и «Пробуждение», Общественный Комитет штата Коннектикут на своем собрании, состоявшемся 12-го января 1936-го года в городе Нью Гейвене, решил обратиться с товарищеским призывом к руководителям обоих журналов о совершенном прекращении помещения статей и заметок полемического характера, подрывающих налаживающуюся возможность об'единения двух федераций в одну.

Не имея другой возможности содействовать об'единению, кроме вынесения резолюции, Штатный Общественный Комитет решил в дальнейшем бойкотировать тот журнал, который не будет содействовать об'единению двух федераций в одну.

Штатный Об'единенный
Комитет Коннектикута.

П. А. КРОПОТКИН И ТЕХНИКА

Многочисленные утопии в области построения идеального общества неизменно опираются всегда на большую роль техники, успехи которой должны помочь освобождению человечества от рабства силами природы и устроению его материального и морального благополучия. Странным образом однако эта техника оказывается не другом, а врагом человека, и от наибольшей части утопий со всеми их изумительными идеальными достижениями техники веет мертвечиной и человек кажется не господином, а рабом им же созданных чудес изобретательности технического гения.

П. А. в этом отношении является полной противоположностью таких утопистов и мечтателей. В его капитальных работах «Хлеб и Воля», «Поля, фабрики и мастерские» и в популярном изложении последней работы «Труд ручной и умственный» каждое достижение человечества представляется П. А. совершаемым при том или другом содействии техники, опирающейся на научные достижения.

При этом, когда П. А. говорит о «довольстве для всех», для него это не мечта, а реальность, основанная на производительном труде при помощи методов и достижений техники.

Представитель анархического коммунизма, не останавливающийся перед указанием на необходимость разрушения многих основ старого общества, П. А. проявляет в то же время совершенно исключительное стремление к творчеству, непосредственно пытаясь каждое разрушение заменить и сопровождать соответствующим творческим процессом, не слагая ни на чьи плечи это дело, а намечая для него пути.

«Революция должна обезпечить каждому помещение, хлеб и одежду, — говорит П. А., и шаг за шагом показывает в ряде блестящих страниц те процессы, пути и средства, которые могут дать эти простые, элементарные, но совершенно недостаточные, пока в мире, блага человеку.

Технику и ее достижения призывает П. А. и для удовлетворения духовных потребностей тех, которые, имея досуг от текущего труда, будут иметь свои идеи, а равно и тех, для коих текущей работой является деятельность в области умственного труда. Возможность возрождения искусства П. А. видит только при освобождении человечества от материального рабства, при наличии общей идеи в обществе, а придти все это может только при широком использовании услуг техники: до этого «искусство может только прозябать».

Та же техника поможет сделать труд привлекательным, а гармоническое соединение труда ручного и умственного будет способствовать созданию нового типа гармонического человека без гипертрофии головы и органов физической деятельности.

Такова беглая схема воззрений П. А. на роль техники, столь блестяще развитая им в ряде больших работ. Этот анархист — созидатель основой жизни ставил творческий созидающий труд, пользующийся всеми доступными человеческому гению средствами для достижения идеальных форм и условий жизни со всесторонним развитием человеческой личности.

Миросозерцание П. А. в этой области должно стать предметом самого тщательного изучения, как части той сокровищницы, которую он по себе оставил в печатных трудах, письмах, беседах и т. д. Русской техникой, ее достижениями П. А. всегда чрезвычайно интересовался; с глубоким удовлетворением он отмечает например завоевания «московской системой» (основы организации воспитания первоначального Московского Технического Училища) почетного места в С. Штатах С. А. и создание там и в Англии ряда школ по этому образцу.

На русских техниках поэтому лежит долг взять на себя разработку этой стороны многогранной личности П. А., который при этом во всех своих работах проявил все те качества, которые позволяют человеку получить почетное наименование инженера не по диплому, а по существу.

П. Пальчинский.

К МОЛОДЕЖИ

Товарищи из «Пробуждения»!

Вы просите написать для Вас статью, обращенную «К молодым людям». На эту тему трудно писать, не повторяя того, что уже сказал Кропоткин.

Однако, если вдохновиться заблуждениями и ошибками «старших», то можно извлечь из них уроки, чтобы не повторять таких ошибок.

Здесь, во Франции, война вызвала раскол: одна часть пропагандистов — и притом не лучшая — воспользовалась этим расколом для того, чтобы выступить в роли единственных хранителей традиций и изобразить собою «вождей» (!) движения.

Они созывают конгрессы, которые «диктуют» линию поведения остальных анархистов, тогда как конгресс не должен быть для анархистов нечем иным, как случаем встретиться, познакомиться друг с другом, обменяться взглядами, которые каждый волен принять, видоизменить или отвергнуть.

Газета, которая должна быть делом всех, кто ее выпускает (а те, кто ее выпускает, должны руководиться лишь интересами пропаганды, помогая уяснению идей), — газета, по решению конгресса, становится газетой большинства конгресса, который меняет редакцию по своему произволу.

Свободу личности продолжают провозглашать, провозглашают также ее право на собственную инициативу, но их федерации организуются по методу централизма, и дальнейший ход вещей приводит к тому, что преобладание получают решения тех, кто стоит во главе.

Молодые, вступившие в движение после войны и руководящиеся этими инструкциями, ничего не знают о прошлом движении и имеют лишь весьма смутное представление об анархическом миросозерцании. Они отстаивают идеи, которых сами не вполне поняли, и действуют зачастую наоборот.

* * *

С другой стороны, нужно признаться, что и в прошлом движение также не было свободно от ошибок.

Прежде всего, будучи знакомыми с организацией лишь в ее авторитарной и централизованной форме, некоторые отказывались содействовать федерации группировок. Больше того, доведя нелепость до крайних пределов, они отрицали даже необходимость организации, хотя они и организовывались в группы для защиты того, что они считали идеями. «Свободное соглашение само по себе должно быть достаточным».

Да, во многих случаях, оно более или менее достаточно, — там, где требуется лишь небольшое число пропагандистов. Однако, в некоторых случаях, мы оказались не в состоянии действовать, по недостатку согласия и единства.

Анархисты, быть может, создали бы более серьезные группировки, если бы им удалось избежать происшедшего во время войны раскола, и если бы они сумели понять положение. При этих условиях, они могли бы принудить правительство дать гарантии населению.

Что касается федерализма, то никто не понял его важности, — ни его сторонники, ни его противники, так как ни те, ни другие не знали иных его форм, кроме централизации. Этим об'ясняется тот факт, что все попытки об'единить и связать между собою силы анархистов кончились неудачей. Существование таких организаций всегда оказывалось непродолжительным.

Тем не менее, существуют формы федерации, при которых члены ее, работая совместно, сохраняют свободу действия, так как федерация является ничем иным, как средством познакомиться друг с другом, обсуждать идеи, приносимые каждым, и сближаться друг с другом, чтобы при случае получить, если понадобится, содействие.

Кроме того, под предлогом «свободной инициативы», многие анархисты соглашались работать только в тех случаях, когда они сами были — или считали себя — инициаторами, в то время, как тут-же, рядом, другие группы, поставившие себе такие же цели, еле влачили существование,

не имея возможности, по недостатку людей, вести полезную работу. Между тем, если бы эти группы об'единились, то они могли бы работать с пользой.

Всякая идея, даже самая лучшая, приводит к нелепости, если ее доводить до крайности.

«Свободная инициатива, конечно, необходима. Каждый, кому приходит в голову мысль, которую он считает хорошей, имеет право работать над ее осуществлением, даже если она не одобрена большинством. Он сам должен найти тех, кто может примкнуть к его точке зрения. Но когда различия взглядов препятствуют соглашению, и когда это различие сводится к пустякам, то не лучше ли, чтобы обе стороны сделали друг другу уступки. «В единении сила», особенно когда единение основано на свободном соглашении, не навязано большинством или какой-нибудь властью.

Если никакое соглашение невозможно, тогда действительно лучше, чтобы каждый действовал по своему, как он сам понимает, вместо того, чтобы заключать ненадежное соглашение, которое в момент действия будет подорвано возобновлением разногласий. Возникающие в таких случаях споры часто приводят к расколу и оставляют по себе неприятные воспоминания. Наоборот, когда выбор способа действий сделан свободно, тогда не может быть ни озлобления, ни раскола, но зато возможна взаимная помощь при нужде.

«Каждый пусть действует по своему», — да, конечно, но при этом не надо забывать, что об'единение усилий также является одной из идей анархизма.

Многие попытки ни к чему не приведут, много задач нельзя будет предпринять, если не будет такого согласия.

***

Другой ошибкой движения в прошлом было его понимание вопроса о воздержании.

Сколько анархистов выходило из состояния бездеятельности только во время предвыборного периода и проповедывали воздержание от голосования, как будто никаких других задач наша пропаганда не имела.

Само по себе воздержание от голосования не имеет никакого значения. Оно действительно только при условии, что действие будет развиваться параллельно с интенсивной и непрерывной агитацией, для того, чтобы разрушить существующее социальное здание.

Воздержание от голосования должно быть результатом пропаганды, заставляющей людей размышлять о плохой социальной организации и приходить к пониманию того, что избирать депутатов, посылать их в парламент и поручать им проводить там законы означает — ставить над собою господ. Лишь придя своим умом к такому заключению, избиратели увидят, что им незачем принимать участие в этой комедии.

Побуждать людей к воздержанию от голосования, не делая из них анархистов, означает — ставить телегу впереди волов.

Слишком часто в нашем движении люди говорят красные слова, не слишком стараясь их понять.

Именно так обстояло дело с теми сторонниками «свободного соглашения», которые, когда, им советовали организоваться, восклицали: «Никакой организации! Это —тоже один из способов подчинять людей военной дисциплине. Свободное соглашение должно быть для нас достаточным». Когда нужно было выступать против тех, кого они считали своими противниками, то они оказывались наилучше организованными и наилучше дисциплинированными.

Впрочем, в большинстве случаев, ими руководили лица более чем подозрительные.

Такое же невежество обнаруживали те из наших товарищей, которые успели понять необходимость соглашения, создания групп и организации наших сил.

Они были убеждены, что каждый, входя в группу и федерацию групп, должен сохранить всю свою свободу мысли и действия. Но и они также не знали иных форм организации и федерализма, кроме тех, которые, силою вещей, в конце концов, дают тем, кто находится во главе их действительную власть, которая, хотя и не будучи признанной, тем не менее, реальна.

Этой опасности удалось избежать, по-

тому что все попытки приводили лишь к недолговечным результатам.

**
*

В былые времена я питал иллюзию, что анархисты являются наиболее просвещенными и наименее сектантски настроенными из революционеров. Увы, война унесла эту иллюзию! Сколько их, под предлогом желания быть логичными, приходили к нам и развивали самые ужасные нелепости. Чтобы быть логичными, недостаточно разсуждать об одном пункте и доводить мысль до крайности, не делая необходимых оговорок. Один вопрос никогда не может разсматриваться изолированно. К одному доводу всегда присоединяются другие, которые могут его подкрепить, а вместе с тем и такие доводы, которые, если их не принять в расчет, делают разсуждения нелогичными.

Другая болезнь старого движения была преувеличенно - революционная словесность.

Когда некоторые из нас, разбираясь лучше других, говорили о том, каким должно быть то будущее общество, к которому мы стремимся, то некоторые — и увы, многочисленные — восклицали: «наплевать нам на общество, каким оно будет в двухтысячном году! Чего мы хотим, так это Революции!» (с прописным Р).

Вот почему, когда появился Эрве со своим «Гражданином Браунингом» и со своими «прекрасными ножницами», он нашел снисходительную публику среди этих крайне левых... на словах.

С тех пор много было случаев для того, чтобы сделать во Франции революцию, но никто этого не заметил.

Кое-какие революции произошли в Германии, в Венгрии. Они были даже победоносными в военном смысле, но так как они не смогли уничтожить буржуазную экономическую организацию, по незнанию того, чем ее заменить, то эти революции не привели ни к чему, и старый порядок мало по малу взял верх.

После войны во Франции было много случаев, когда нужно было повести серьезную кампанию против существующего режима для того, чтобы открыть глаза населению и убедить его воспрепятствовать, по крайней мере, некоторым актам произвола. Ничего не было сделано.

В первую очередь надо было сделать что нибудь против того гнусного мирного договора, котрый открывал возможности новых столкновений. Затем, против походов в Сирию, Марокко. Против повышения квартирной платы. Против дороговизны жизни. Против содержания огромной армии, которая истощает жизненные соки нации. И сколько еще было других возможностей, которых я не припомню! Ничего этого не пытались сделать.

Дело в том, что революция является средством, а не целью. Средством уничтожить то, что существует, неспособным, однако, создать что бы то ни было. Общество не создается из ничего. Когда разражается революция, то революционеры вносят в нее только «проэкты», только возможность построить. Если в момент, когда революция разражается, революционеры приносят с собою только «проэкты», то возможность построить новое общество будет весьма гадательной. Нужно, чтобы еще в период пропаганды они создали какие нибудь формы организации, способные заменить буржуазные экономические организации, которые с первых же шагов им придется разрушить. Иначе их революция окажется нулем, даже в том случае, если в военном отношении она будет победоносной.

Даже тогда, когда дерутся, надо есть. Нужно иметь возможность обезпечить себя тем, что необходимо для жизни, для борьбы. Необходимо будет позаботиться о потребностях населения: женщин, стариков и детей.

Не должно быть пропасти между обществом вчерашним и обществом завтрашним. Как сказал Кропоткин: «Революция не должна принести массам увеличение лишений и нищеты. Это означало бы взстановить массы против нас».

Производство и распределение должны продолжаться — не скажу, как раньше, но

ВЛАСТЬ И АНАРХИЯ

На протяжении многих веков исторически создавались и укреплялись современные формы рабства — власти человека над человеком и власти численно - незначительной кучки людей над многомиллионными народными массами.

В основе власти, при ее возникновении, несомненно лежали реальные преимущества поработителей над порабощенными — сила, хитрость, ум, искусственно увеличивавшие их боевое или воинственное значение в борьбе за существование. Эти преимущества были настолько реальны и наглядны, что подчинение их обладателям как бы естественно подсказывалось отчетливым ощущением зависимости и покорности. И они являлись постоянной угрозой и вызывали постоянные опасения всяких бедствий в случае неповиновения властителям.

В дальнейшей своей эволюции власть все больше и больше базируется уже не на реальных преимуществах властителей, а на мнимых и воображаемых «благодеяниях». Все пускается в ход с той целью, чтобы путем воздействия на психику порабощенных, вызвать своеобразный гипноз: внешними мерами и угрозами вкоренить предрассудок о самодовлеющем принципе власти, о ее необходимости и «божественности». Ибо властители прекрасно знали, что рабская психика подневольных рабов надежнее самых прочных цепей и вернее самой лучшей и непреклонной стражи.

Но как бы поработитель ни был сильнее каждого отдельного порабощенного, он оказывается безконечно слабее совокупности рабв по мере их количественного увеличения. Поэтому уже в первобытных человеческих обществах мы встречаемся с попытками властителей помешать об'единению рабов на почве защиты их интересов и естественной солидарности. Эти попытки выражались в стремлении сеять рознь среди рабов и в создании различных прав и привилегий для более покорных среди них. Из рядов самых порабощенных вырывались отдельные единицы и целые группы для защиты создавшегося порядка вещей. И разрозненной силе рабов начала противопоставляться реальная сила вооруженных и специально обученных боевому делу воинов.

С возникновением постоянного войска или армии, начали создаваться государства, правительства, полицейские учреждения, законы, суды и т. д. с целью закрепления господства имущих над неимущими и защиты реальных выгод и преимуществ — частной собственности и капитализма. В этом значительную роль сыграла церковь, как «духовная» защитница власти. И реальный принцип власти вылился в орудие грозного механизма — государства, основанного на грабеже и насилии.

Но как невидимые простым глазом микробы нарушают спокойное течение жизни целых государств, так и идеи анархии постепенно овладевают умами и вступают в непримиримую борьбу с тысячелетними предрассудками нашего «цивилизованного» общества, имеющего относительно анархии самые превратные и ложные понятия. Неудивительно, поэтому, что как само анархическое учение, так и его последователи-анархисты рисуются или выставляются в таком виде, который менее всего соответствует истине.

Анархия для большинства невежественных людей представляется какой-то не то разбойничьей, не то хаотической формой жизни, а сами анархисты — людьми без всяких нравственных понятий, стремящихся к разрушению ради одного разрушения. Для этих людей анархия есть не что иное, как проявление своеволия небольшой кучки злонамеренных людей. И стоит только, по их мнению, правительствам некоторых государств согласиться между собой и,

---

— лучше, чем раньше.

Критика буржуазного строя выступала уже не раз. Теперь наши усилия должны быть обращены на то, чтобы заложить основы нового общества.

Ж. ГРАВ.

Робинзон. 2—9-го 1935.

арестовать всех анархистов, уничтожить их, как анархическое учение перестанет существовать, перестанет безпокоить богачей и власть имущих:.. Понятно, что все так называемые анархисты, все власть имущие и к власти стремящиеся боятся анархии, как своего худшего врага. Анархобоязнь — это их неизлечимая болезнь.

В сущности, анархическое учение так же старо, как и христианство, и как христианские начала можно встретить уже у древнейших мудрецов мира, так и анархические идеи были уже известны в самые ранние времена человеческой истории. Ведь, в действительности, анархия есть не что иное, как противовес идее власти или государства. Когда одна часть человечества создавала и оргнизовывала государство, другая его часть уже начала проявлять недовольство и протест против властителей, против неудобств изменившегося порядка вещей, и здесь впервые обнаруживались источники и начала анархических идей и стремлений.

Анархические стремления, можно смело сказать, лежат в самой природе человека, как естественный протест против всякого внешнего давления. Анархия — это потребность в свободе всякого человека, стесненного внешними формами и законами человеческого общежития. Поэтому мы и встречаем анархические воззрения и в глубокой древности, и в средние века, и в наше время, и находим их также среди всех классов современного общества— среди бедных и богатых, среди необразованных и ученых и среди неверующих и религиозных.

Власть и анархия, как политическая антитеза, несовместимы; они исключают друг друга и являются непримиримыми врагами на пути к достижению всеобщей свободы и счастья. И поэтому только в борьбе протв всякой власти вообще может заключаться залог победы анархии — высшего идеала свободы, равенства и справедливости.

Л. ЛИПОТКИН.

МЕЩАНЕ

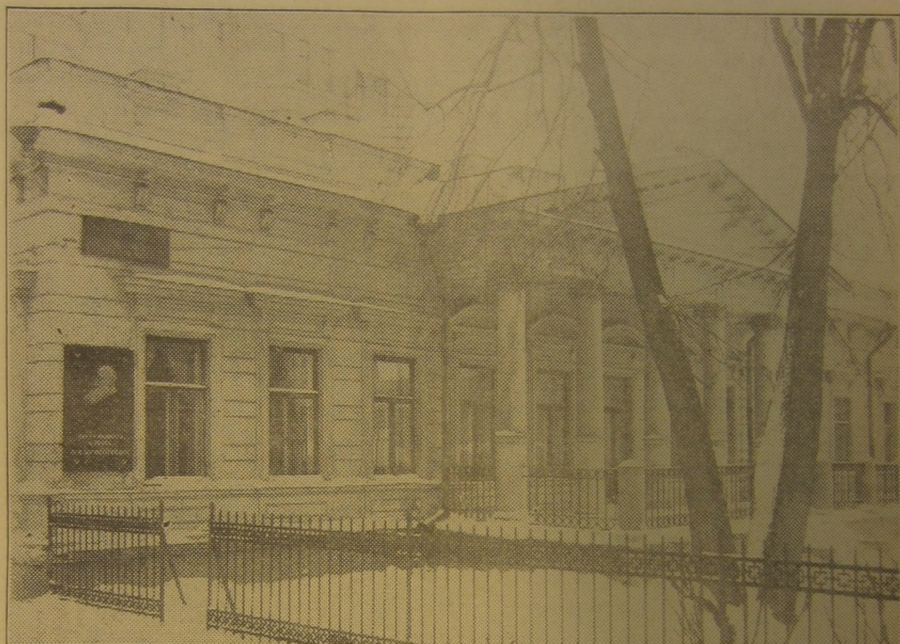
Понастроили заборов, понавешали замков
От бродяг и босяков...
И открыть боятся двери,
И живут в плену, как звери:

— Всем соседям я чужой,
— Я — лишь мой!

В вашем сердце—только зависть,
В вашем сердце—только страх,
Мысль вседневна—о ворах...
И на окнах всюду ставни,
Можно-ль быть еще безславней;
В светлый день бродить в тюрьме,
Жить во тьме...
Тот, кто скажет правду громко,
Нарушает тот покой
Темной кельи гробовой...
Чтобы не было заботы,
Строит плотник эшафоты,
А судья творит закон:
Вор казнен.
Ваши девушки—невесты
Увядают, как цветы,
От обычной темноты...
Вашим юношам несносно
Слушать отчий шопот косный—
И они уйдут от вас
В трудный час.
Не спасут замки и двери—
Ни снаружи, ни снутри —
И ворвется свет зари
В ваши смрадные могилы,
Где погибли ваши силы,
Где не скрылись от судьбы
Вы — рабы.
... Прочь затворы и запреты—
Вся земля нам данный дом,
Жить свободно будем в нем!
Через тусклое оконце
Не увидите вы солнца,
Шири вольностных степей и морей,
К новым, новым,
К новым землям
Выплывают корабли:
Верный путь они нашли...
— Эй, садись, пока не поздно!
Слышен чей-то голос грозный.
Ветер свищет и поет:
Путь — вперед!

Б. Верхоустинский.

МУЗЕЙ П. А. КРОПОТКИНА В МОСКВЕ *)

В 3—4 кварталах от Толстовского музея, в узком Кропоткинском переулке, стоит дом с надписью: «Музей П. А. Кропоткина». Толстой и Кропоткин оба были глубокими мыслителями и философами. Оба жили в одно время, отрицали власть, законы и государство. Отрицали они их по разным соображениям: Толстой — по рели-

*) Эта статья взята нами из большой книги Минского Мужика «Что я видел в Советской России», изданной газетой «Рассвет» в гор. Чикаго, Илл., летом 1935 года. Автор книги, по известным соображениям, подписался псевдонимом, но он хорошо известен нам как честный рабочий и активный общественный работник на ниве труда.

Минский Мужик ездил в Сов. Россию туристом в 1934 году и после возвращения осенью написал около 150 очерков в газ. «Рассвет», которые читались с захватывающим интересом. Позже эти очерки были собраны и изданы отдельной книгой «Что я видел в Советской России». В книге 336 страниц. В ней около одной трети — новый материал, который не был помещен в «Р.». Заканчивается книга главой «Будущая Россия», в которой автор, после живого и популярного описания жизни рабочих и, главным образом, крестьян, колхозников и совхозников в СССР, приходит к таким выводам, что русский народ, в том числе и советская молодежь порабощен совластью, недоволен «диктатурой над пролетариатом» большевиков, и стремится к безвластнической вольной жизни, организованной снизу вверх, а не сверху вниз, как это происходит у большевиков.

Доказательством популярности книги служит то, что первое издание ее разошлось в три месяца. Тем, которые еще не прочли этой правдивой и интересной книги, советуем прочесть. Она заслуживает не только того, чтобы прочесть ее, но что бы каждый рабочий призадумался над тем, что в ней написано.

РЕД. КОЛЛЕГИЯ.

гиозным, а Кропоткин — по научным и гуманным.

Два крупных гения жили в одну эпоху и творили великое дело: учили людей, как освобождаться от экономического порабощения и как создать свободное общественное устройство без всякой принудительной власти. И обоим, почти одновременно, единомышленниками воздвигнуты исторические памятники — музеи их имени.

П. А. Кропоткин убежал из Петропавловской крепости, жил за-границей более 40 лет и там писал свои научные труды. Книги Кропоткина переведены на многие языки и читаются с захватывающим интересом. Его труды продолжают интересовать и волновать весь мир и теперь, в наше тяжелое время мирового промышленного кризиса, марксистско-ленинских социальных экспериментов в России и фашистских экспериментов в Италии, Германии и Австрии.

Как отрицающий государство и власть, для большевиков он явился злейшим врагом. Его последователи, которых насчитываются миллионы в СССР, в первую голову подверглись жестоким преследованиям и изгнанию на поселение в Сибирь. Религиозный анархизм Толстого и социальный анархизм Кропоткина стали костью в

горле большевикам.

Многие книги Кропоткина, как и книги Толстого, декретом два года назад были из'яты, запрещены для продажи и пользования. Но музей Кропоткина, как и Толстого, оставлен с той целью, чтобы показать иностранцам, что они ценят и уважают исторические памятники, воздвигнутые их злейшим врагам.

Железная дверь облупившегося и давно некрашенного крепкого железного забора, ведущая к крыльцу с большой стеклянной дверью, закрыта и мне пришлось войти в музей через заднюю дверь. Левая сторона забора обвалилась, образовалось несколько проходов в сад. В саду находилось двое малышей, указавших мне, как войти в музей. Нет ни зелени, ни цветов в саду. Несколько деревьев высохли, а остальные уныло стоят, чахнут и доживают последние годы. От большевицкой политики не только люди разучились говорить, но зачхли, похудели, завяли даже деревья.

Музей открыт только в известные часы дня. В иные дни утром, в другие— после обеда. Преклонных лет, обросший и усталый, но преданный музею старик, взимает с частного посетителя один рубль за вход, ведет в музей и об'ясняет подробно каждую вещь, находящуюся там.

В музее П. А. Кропоткина имеется восемь небольших комнат, заполненных различными экспонатами, относящимися к жизни и деятельности Кропоткина. В первой комнате собраны портреты предков Кропоткина. Тут есть портрет даже прабабушки П. Алексеевича. Несколько больших портретов в деревянных рамах. Вторая комната отражает детство Петра Алексеевича и его научную и революционную деятельность в молодые годы, в 1870-1876 гг. Имеется иллюстрация знаменитого побега его из Петропавловской крепости.

Третья комната заполнена экспонатами, относящимися к жизни и деятельности Кропоткина за-границей. Тут хранятся несколько собственноручных рисунков его из тюремной жизни в Швейцарии и Франции, где он провел несколько лет в заключении за свою анархическую работу.

В четвертой и пятой комнатах хранятся портреты, относящиеся к жизни Петра Алексеевича в Лондоне и возвращению его в Россию в 1917 году. Тут стоит столярный верстак его и домашние вещи: стол, стулья. Шестая и седьмая комнаты отражают болезнь, кончину и похороны Кропоткина, умершего 8 февраля 1921 года. Тут хранятся образцы газет, журналов, летучек и цитаты из статей о Кропоткине, на одной из стен висит большой портрет Сакко и Ванцетти, нарисованный их другом В. Тамбурано в Нью-Йорке три года тому назад, и посланный в музей Кропоткина Нью-йоркским Комитетом Помощи Музею. Картина большая, в красивой раме.

В восьмой комнате хранится огромная библиотека Петра Алексеевича, перевезенная из Лондона несколько лет назад. Она же служит для чтения и отдыха посетителям музея.

В корридоре, у входа, стоит большая доска, на которой указаны последовательно все 34 тома сочинений Кропоткина, их содержание. Они подготовляются к изданию. В небольшой боковой комнате стоят две пишущие машинки, присланные два года назад в подарок музею нью-йоркским Комитетом Помощи Музею.

Музей организован последователями и друзьями Кропоткина вскоре после его смерти, и находится в доме, в котором он родился и провел юношеские годы. Музей существует на добровольные средства, собираемые в сов. России и заграницей друзьями П. А. Кропоткина. За последние годы из Кропоткинского комитета при музее арестованы и сосланы в Сибирь виднейшие и активнейшие деятели и последователи его — проф. А. Боровой, А. Солонович, Худолей и Хархардин.

Всемогущее и всесильное ГПУ, повидимому, производит аресты активных деятелей при музее для того, чтобы они отказались от него и передали его в ведение и под контроль государства. Все противившиеся этому «убраны» из музея. Оставшиеся, во главе с постоянной пред-

седательницей музея, Верой Фигнер, и Софьей Григорьевной Кропоткиной, женой П. Кропоткина, продолжают работать, собирая материалы для музея и полного собрания сочинений Петра Алексеевича. Анархические идеи Кропоткина загнаны теперь в подполье московскими палачами, но не убиты: идей нельзя штыком убить.

Минский Мужик.

РАЗЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ

Может быть ни в одной стране хроника семейных трагедий так не изобилует происшествиями этого сорта, как в Соед. Штатах Сев. Америки.

Бракоразводные процессы и скандальные семейные истории составляют добрую половину сенсационного материала, который ежедневно преподносится газетами своим читателям. Невольно поэтому возникает представление о семейной жизни современных людей, как о беспрерывной войне, ведущейся между двумя полами — мужчиной и женщиной, соединившимися для совместной и постоянной жизни.

Не все, конечно, семейные люди бегают в суды и полицейские участки, чтобы там найти «управу» и разрешение своих семейных неурядиц, многие из них обходятся без этой посторонней «помощи», но существование подобных «счастливых» семей не может скрыть от нас того печального факта, что одна из основ буржуазного строя — семья — трещит по всем швам, и обнаруживает болезненное состояние современного общества.

Семейная жизнь обычно начинается браком двух существ, или по церковному выражению, слиянием их во «едину плоть». Этот союз мужчины и женщины, по понятию христианской религии, должен быть настолько прочен, что «человек да не разлучит их». Брак таким образом возводится в нечто абсолютное, в установление такого свойства, нарушить которое не в праве ни одна из сторон. Подобный взгляд на брак, как на нечто ненарушимое, сохраняется, с некоторыми ограничениями, и при наличии гражданских браков, когда функции церкви выполняются государственным чиновником. Смысл брака в буржуазном государстве — кем бы он ни был освящен — чиновником или церковью — один и тот же: предполагается, что заключившие его стороны вступают в постоянный, ненарушимый союз «до самой смерти».

Но одно дело повторить в церкви или перед чиновником формулу известного брачного обязательства, а другое дело выполнить ее. И поэтому первопричина всех семейных трагедий заключается прежде всего в самом институте брака, или вернее в той обманчивой формуле и понятии, которое придается этому установлению. Поясним эту мысль примером: каково бы ни было понимание брачующимися совершаемого ими шага, преследуемых каждым из них целей и смысла принимаемых на себя обязательств — все это, однако, не принимается во внимание при официальном заключении брака, который всегда совершается по одной для всех случаев и обстоятельств формуле: «до самой смерти».

А между тем в каждом отдельном случае брачная сделка сопровождается массой различных соображений, предположений и ожиданий, от выполнения которых зависит — окажется ли она устойчивой, или нет.

Сама жизнь сильнее всяких писаных законов и она вскрывает перед нами их бессилие и несостоятельность. Все божеские и человеческие законы не могут заставить женщину жить с извергом и пьяницей мужчиной, избивающим ее под пьяную руку. Тысячи других причин, вроде несходства характера, вкусов, взаимного непонимания и т. д., могут повести к разводу и невозможности семейной жизни. Человеческие существа не отличаются постоянством и ровностью характеров; их взгляды, понятия и представления подвергаются беспрерывным изменениям.

В семейной жизни также может нас-

тупить кризис и переоценка ценностей, за которыми обыкновенно разражается «катастрофа». Общественное мнение почему то бывает возмущено при каждой новой скандальной истории, хотя негодовать в таких случаях можно не потому, что семейные люди расходятся, а потому, что общество требует от них совместного сожительства тогда, когда это невозможно.

Финал брачной жизни не всегда заканчивается разводом или расходом. Но если сложившиеся обстоятельства приводят к подобному результату, то тем, кто возмущается подобными историями надо помнить, что браки в наше время, хотя и могут быть заключаемы «до самой смерти», имеют совершенно иной смысл, а именно: они заключаются только до тех пор, пока брачущиеся стороны хотят и могут жить совместно. Коль скоро подобного желания не оказывается у одной из сторон, то наступает конец и браку, хотя бы были даны тысячи клятв, подписей и обязательств не расторгать его до гробовой доски.

М. Р—н.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
«ПРОБУЖДЕНИЕ»

Уважаемые товаищи,

Зачитавши ваши письма, а также статьи в № 64—65 «Пробуждения» касательно об'единения двух федераций, К. Д. Свободы гор. Н. И. на своем очередном собрании от 3-го января был удивлен тем, что вы, тов. пробужденцы гор. Детройта, присвоили себе право стоять на страже чистоты анархических идей, а всех остальных, смотрящих иначе на окружающее лишаете этих прав.

В письмах И. Черного и пробужденца И. Ф. вы обращаетесь с призывом помогать журналу «Пробуждение», что нью-оркский К. Д. Свободы делал и продолжает делать поныне и, следовательно, имеет право на то, чтобы его мнение по об'единению было напечатано на страницах органа, который он считает своим органом, как и вы.

Однако, в статье «Об Об'единении» тов. И. Ф. гворит: — «... а кто то другой печатай это и красней от стыда». Выходит так, что будто мы, пробужденцы гор. Нью Иорка, проработавшие в группах и организациях по несколько лет, понявшие весь ужас, весь трагизм не только анархической пропаганды, но и всего профессионального движения мирового пролетариата, от которого мы оторваны, благодаря нашей разрозненности, заставляем вас краснеть от нашей попытки собрать и об'единить разрозненные силы наших единомышленников.

Если и согласиться с тем, что делотрудовцы заблуждались, так неужели пробужденцам не свойственно заблуждаться?.. В долголетней, взаимной вражде, делотрудовцы и пробужденцы виноваты в одинаковой степени. Тут не может быть одна сторона права, а другая виновата. Если бы это было иначе, то после первого какого либо злого выпада одной стороны против другой, стоило лишь другой стороне воздержаться от такого-же выпада и инцидент сам по себе был-бы исчерпан и наше движение не пострадало бы, а те товарищи, которые претендуют на идейную чистоту, оказались бы на высоте своего положения.

Но этого не случилось. После первого выпада с одной стороны — последовал выпад с другой, — и так пошла волынка. Но этому нужно положить конец, и тот, кто первым бросает убийственное оружие, он первым делает шаг к миру.

Для того, чтобы идеи анархизма стали достоянием широких народных масс, а не ничтожных враждующих групп, для этого нужно об'единение, нужно научиться забывать личные обиды, нужно стыдиться быть чувствительной примадонной, которая всю жизнь не может забыть словесной обиды, нанесенной ей кем-либо в пылу раздражения или других каких либо причин.

У нас, анархистов, имеется много полезного, живого дела, но мы в одиночку сделать его не можем, нам нужно сплотиться, сомкнуть свои ряды, если мы хотим

видеть успех наших идей.

У нас имеется молодое, подрастающее поколение, дети наших товарищей, которое нуждается в нашей помощи. Что мы делаем для того, чтобы оно могло воспринять наши идеалы?... — Ничего решительно. Своей враждой мы отравляем ему воздух и оно уходит от нас.

Знаете-ли вы, товарищи, такие случаи, где анархисты выступали в качестве руководителей забастовок, а их сыновья были скебами? Такие факты нам известны. Они имели и будут иметь место в нашей жизни до тех пор, пока мы не начнем об'единяться и совместно создавать школы и клубы для нас самих, а так-же для наших детей, которых мы всецело предоставили воспитывать правительственным школам и другим буржуазным учреждениям. Родителям в одиночку не справиться с такой задачей. Нужна сплоченность, время не ждет, дети подрастают и требуют нашего руководства. А что мы делаем?* Какие примеры мы им показываем?

Вот какими соображениями мы руководствуемся в нашем стремлении забыть вражду и об'единиться на благо наших идей и светлого будущего.

Так давайте, товарищи, приступим к собиранию наших сил под одно знамя, которое может и должно взвиться высоко над миром лишь при сомкнутости наших небольших сил.

Кто не знает народной пословицы, которая гласит что: «нет семьи без урода», тот не знает и того, что нет и рабочей группы и организации, которая не имела бы в своих рядах лиц с уродливым понятием тех идей, последователями которых они якобы являются.

Есть такие люди, от прикосновения которых самые великие идеи и истины становятся жалкими и ничтожными капризами. Надо стараться не впасть в такое заблуждение и не ставить идеи наравне с личным сведением счетов и капризов.

Анархия, как и всякое другое социальное учение, разделяется на много частей, оттенков и разветвлений. Все анархисты, последователи этих, отдельных частей и разветвлений, стремятся к ниспровержению существующего капиталистического строя и замене его таким строем, где бы не было насилия человека над человеком. Но есть в анархическом учении очень много вопросов, на которые последователи этого учения смотрят с разных точек зрения и, благодаря этому, часто возникают споры о том — какие из этих вопросов более практичны и целесообразны.

В этом отношении возможна и желательна товарищеская полемика, выясняющая правильное понимание, или ложное положение того или иного вопроса.

Личные дрязги и перебранки становятся в особенности преступными, когда они появляются на страницах органа, созданного совместными усилиями сознательных рабочих для борьбы с социальным злом.

Если бы можно было допустить, что такая полемика желательна на страницах анархической прессы, то во всяком случае, надо считаться и с моментом. Ведь реакция, как темная туча, надвигается со всех сторон, чтобы задавить, удушить свободный голос анархизма... Тысячи, сотни тысяч наших братьев и товарищей гибнут по тюрьмам и ссылкам Советского Союза, гибнут в застенках фашистской Италии, стонут и умирают в концентрационных лагерях гитлеровской Германии, Испании и вообще — казематах всего капиталистического мира. Их покинутые семейства,— жены и малютки - дети — гибнут поруганные своими угнетателями, не имея никакой товарищеской поддержки от нас, находящихся на свободе, борющихся за тот-же идеал, за который боролись их кормильцы; мы считаем себя «стопроцентными» и забываем все это.

Нет, большего преступления нельзя найти и такая деятельность и пропаганда не даст нам и нашему идеалу ничего хорошего. Если социалисты - государственники, будущие и настоящие диктаторы, дерутся и стараются столкнуть друг друга с теплых, политических мест, то у нас этого нет.

Товарищи, опомнитесь, пока еще не

поздно, пока еще не вся свобода потеряна и дух желтого и красного фашизма не везде торжествует, давайте станем сеять разумное, доброе, вечное. Перед нами стоит огромная задача, на разрешение которой мы должны употребить все наши силы, мы должны использовать все доступные нам средства для того, чтобоы открыть глаза несознательным рабочим, запутавшимся в паутине желто - красного фашизма.

Мы должны раз навсегда положить конец нашему внутреннему врагу, ссорам и клеветнической полемике, а потом, сплотившись, всеми силами приняться за внешнего врага.

Сила нашего идеала зависит всецело от силы нашей сплоченности. В единении — сила, а в организации — мощь. Это должны знать все, и нам нужно об'единиться.

Так к делу-же, товарищи, время не ждет...
Забудем-же склоку, вражду и дробление,
Пусть лозунг наш станет, отныне—вперед...
Да здравствует разум и об'единение!..

Кружок Друзей Свободы.

**
*

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: Кружок Д. С. обвиняет нас в присвоении права быть стражами чистого анархизма и т. д. Подобные обвинения неосновательны тем более, что К. Д. С. не без греха и тоже стремится навязать всем анархистам «об'единение» чуть ли ни насильственно.

Что касается непомещения резолюции, то об этом не стоит говорить, так как все было сказано в статье Пробужденца И. Ф. Помещение-же вашего письма доказывает, что вы имеете такое-же право писать в журнале, как и мы. Полемических выпадов в «П.» очень мало. Этим делом занимались и продолжают заниматься делотрудовцы. Мы согласны положить конец «клеветнической полемике» и «забыть личные обиды».

«Дело Труда» в номере 72 обвиняет нас следующим образом:

«От монархизма отреклись и не приемлют большевизма кадеты с Милюковым во главе, огромная часть капиталистов с Рябушинским во главе, Бердяевы, Франки, Философовы, Бунины, Мережковские, многие из офицеров белых армий; большевизм не приемлют все эсеры — начиная от Аксентьева и кончая Черновым; все социал-демократы, начиная плехановцами и кончая Даном, многие попы в митрах и камилавках. И вот, «Пробуждение» ставит себе задачу об'единить вокруг себя всю эту рать. Какая благородная анархическая задача об'единить последователей Бакунина и Кропоткина с последователями Милюкова, Бердяева, Плеханова, Керенского, Мартова, Чернова и какого-нибудь высоко - преосвященного Имярека»!

Неужели все это не бесстыдная клевета? Мы требуем доказательств — когда и где мы хотели об'единить всех означенных лиц вокруг «Пробуждения».

Об'единение — очень хорошая идея при условии, что оно происходит добровольно, без навязывания. Ищущие путей к об'единению всегда найдут их. Но нельзя загонять дубиной в какой бы то ни было рай.

Попавшим в сети Аршинова и Максимова анархистам мы советуем прекратить литье воды на их мельницу и об'единиться вокруг «Пробуждения», а кто не желает выпутаться из сетей Максимова, то пусть издают синдикалистский журнал «Д. Т.» и не мешают нам издавать анархический орган «Пробуждение».

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Теперь, товарищи, я не могу уже более подробно остановиться на этом вопросе и поговорю о нем в следующий раз, а сейчас только выскажу общие положения.

Я имею в виду вопрос об об'единении с «Делом Труда». Мне кажется, что я читал статью, о которой вы мне говорили и она действительно не так корректна, как должна бы быть, если поставлен вопрос об об'единении, но об'единение наших сил в настоящее время настолько необходимо, что становиться на непримиримую точку зрения совершенно невозможно.

Я должен сказать, что не совсем согласен с тем подходом, который вы приняли для слияния. Мне кажется, что такой быстрый и тесный союз после такой длительной самостоятельной жизни неизбежно должен был вызвать некоторые недоразумения. Я совершенно не вижу необходимости для об'единения уничтожение обоих органов, совсем наоборот, думаю, что их необходимо оставить, но только сделать из одного, как, например, «Пробуждение», теоретический орган, а другой пропагандистско - боевой, если можно так выразиться.

Совершенно ошибочно думать, что два органа слишком много; особенно для нас русских. У нас сейчас столько вопросов, на которые мы должны ответить, в смысле теоретическо - программном, и которые совершенно неуместно выносить на обсуждение в журнале, отвечающем на вопросы текущего момента.

Я понимал бы это об'единение в смысле федеративного об'единения, выделения общего федеративного органа, вокруг которого попытаться об'единить не только два течения северо - американские, но и других стран, что совершенно необходимо в настоящее время. Этот бы орган регулировал и взаимоотношения между северо-американскими течениями.

Обрывать же, с таким трудом наладившиеся взаимоотношения, это — итти не только против общего мнения, как видно по всему, всех организаций, но и оставить себя, опять бессильным перед надвигающимися событиями, остаться бессильным перед тем, что так настойчиво требует от нас настоящий момент.

Никогда еще не было так ужасно состояние революционного движения, никогда еще оно не было так морально и идейно бессильно перед реакцией, как теперь.

Говоря о революционном движении, я имею в виду социалистическое движение во всех его оттенках. Социализм забрал все рабочее движение в свои руки и теперь бессилен с этим справиться. И то, что вы пишите, что в «Дело Труда» прошло много коммунистов, то в этом нет ничего ни удивительного, ни опасного, а, наоборот, вполне естественно и неизбежно. Мы это должны предвидеть и ждать, но к этому также и должны быть готовы, чтобы оно нас не смело и не запутало и, вместо того, чтобы усилить нас и вывести на ровную дорогу, еще более ослабило. Вот почему я считаю, что вопрос единения наших сил — насущный вопрос. Он должен преследовать не только техническое соединение, но и группировку наших интеллектуальных сил, которые должны ответить на ряд вопросов, чтобы не предоставить их разрешать тем, кого традиции еще связывают с совершенно другой идеологией.

Вот это и есть самое страшное для нашего движения, так как наплыв массы не ограничится тем, что мы имели до революции, а потребует ответа и на те события, которые уже имели место, так как они имеют исключительное значение для успеха и победы революционных идеологий.

Если они этого не найдут, то можно быть совершенно уверенным, что они сами попытаются это сделать, а это то и может быть очень опасным для нас. Вот почему нужно серьезно отнестись к вопросу об об'единении и не оставлять его в том виде, как он был до сих пор. Повторяю, что практически его можно всегда

разрешать самыми различными способами и даже считаю, что ошибочно к нему подходить в том смысле, что сразу от резкого и долгого раз'единения и даже вражды перейти к сомому тесному об'единению.

Вопрос об'единения есть требование почти всего северо - американского движения и долг организаций — пойти ему навстречу. Но нужно пойти более, если хотите, осторожным путем, постепенно, а не так, как вы его до сих пор намечали, тем более, что во главе редакционной коллегии «Дело Труда» стоит человек, по отношению к которому и сами члены «Дело Труда» не имеют полного доверия в смысле идеологического единства.

МУРОМЕЦ.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

(Из дневника)

Питер, 18 февраля 1862 г.

Между прочим в числе вопросов, которые я более других обдумывал во время своей болезни, меня больше всего занимал вопрос о моей будущности. Данные не блистательны: от отца мудрено ожидать чего-нибудь, дай бог, чтоб обмундировку сделал порядочную, это особенно ясно стало из последнего его письма, где он предупреждает, чтоб я не надеялся на его пособие, а сам старался бы устроиться и т. п., что доходы в высшей степени плохи и проч. Следовательно (больше и больше), является необходимым поступить в академию. Вместе с тем, академия меня, как тебе известно, не тянет, жизнь в эти два года представляется скучною, деятельности не предвидится никакой, не называть же деятельностью то, что я буду таскаться каждое утро в академию и слушать разных дураков, впрочем, пожалуй и умных, но о чем? Следовательно, предвидится скука, хандра, гадость. Вдобавок ко всему этому придется перебиваться кое-как и с трудом нося стесняющий гвардейский мундир, и имея стесняющие знакомства, и подчас немного. К тому же надо быть в стеснительной необходимости bon gre, mal gre поддерживать связи с отцом, просить беспрестанно пособий и т. п. Кроме того, я каждую зиму болею здесь. Отчего? Печень страдает. Отчего же летом, поедая чорт знает что и в каком количестве, промокая до последней нитки на маневрах, подчас напиваясь крымского, одним словом при всевозможных неблагоприятных обстоятельствах я болен не бываю? До сих пор я ни разу ни в деревне, ни в Петербурге, ни в Петергофе летом болен не был. Отчего? Я спрашивал доктора. Оттого, что летом вообще при теплой обстановке отделение печени бывает гораздо правильнее. А у меня всегда нелегкий пропуск от неправильности отделения печени. Следовательно, вот еще причина, чтоб в Петербурге не оставаться, а ехать куда нибудь, где потеплее. С другой стороны, в Петербурге или в Москве может удерживать многое, — ты, книги, сообщения с порядочными, т. е. сколько - нибудь мыслящими людьми (котрр. между прочим я знаю не слишком-то много).

Мне припомнилось, что я писал где-то: «хоть бы на Амур отправиться». Теперь я думаю об этом. Ведь на Амуре тепло, потом я люблю поездки, переезды, путешествия, если хочешь. Мне доставляет большое удовольствие видеть новые места.

Потом мы с тобой трактуем что негодны мы ни к какой деятельности, но ведь я этого еще не испытал, годен ли я или нет: мне кажется, что я на что-нибудь да гожусь. А деятельность на Амуре найдешь: я сегодня шутя сказал Дмитрию Николаевичу 1): хоть на Амур отправляйся, и об'явил, что напишу об этом отцу, пускай-де раздумывают и охают с Елизаветой Марковной. Он мне сказал: «Ты

---

1) Двоюродный брат П. А., флигель - ад'ютант Александра 2-го, впоследствии харьковский генерал - губернатор, убит в 1879 г. революционером Гольденбергом. (Прим. Ред.).

подумай об этом; я тебе ручаюсь, что здесь тебе доставят славное место, только запишись, что хочешь туда ехать. Все-таки здесь будут говорить фельд(фебель) Паж. корпуса и схватятся как за клад, словно, туда готовы вербовать всякого, да мало решаются ехать — далеко. Если себе достать место «по особым поручениям», то знаешь, что ты, если хочешь, то работы найдешь пропасть, если не хочешь, можно ничего не делать, а будут давать поручения раз'езжать, а мне это с руки. Потом — близко к Америке, а у меня есть эта мечта перебраться туда, и через Северную в Южную, со временем можно будет и это сделать, мало того, на казенный счет наверное. Действительно одно плохо — далеко, но телеграф доведен до Тобольска или Иркутска, а в довершение, если не понравится, можно всегда вернуться, глядишь, с переездами годика полтора или два прошли.

Но если бы рук для борьбы
захотела свобода,
Сейчас полечу на защиту народа.

По первым симптомам — можно прискакать..

Вообще надо будет подумать об этом, поразузнать о климате Амурского Края, о растительности, природе и жизни. Наконец, о лицах, с которыми пришлось бы служить.

Есть одно препятствие — отец, но ему стоит заикнуться, что академия это рассадник вольтерьянства и разных завиральных идей — ну и баста. Но вероятно, что он все-таки будет злиться, скажет, что ничего не будет присылать, но ведь он почти то же и теперь говорит, а если будет, то с всевозможной неаккуратностью и бранью высылать 300 руб. для Петербурга то же, что ничего для Амура, т. е. жалованье плюс его 300 руб., то же, что жалованье на Амуре (оно больше, наконец, прогонные, которые даются щедро). Прибавь к этому разнообразие, самостоятельность, и пожалуй выйдет., что я буду не в накладке.

Я об этом подумаю, а у тебя спрашиваю твоего мнения и совета.

Не понравится этот исход, так предлагай другой.

Конечно, прежде всего я постараюсь разведать про обстановку, потом про то, можно ли будет попасть по особым поручениям или вобще куда-нибудь посамостоятельнее, а то в линейном казачьем войске служить не стоит.

Теперь я несколько поправился после болезни 2), но далеко не совсем, желудок не варит, голова тяжела, печень болит, и вдобавок ко всему этому геморой разболелся ужасно. Целый день я принужден расхаживать по комнате из угла в угол.

Вообще здоровье плохо, поправишься, так не надолго, на время. Кстати я себе предоставляю с удовольствием, как придется заболеть дома будущей зимой при средствах самых скудных и при дорогих лекарствах — весело, нечего сказать.

Не меньше, чем об Амуре, я думал о себе, уж чего я ни придумывал, кстати я замечаю, что на выдумки я большой мастер, фантазер, — но пришел к окончательному убеждению, что для тебя ничего не придумаешь, так как приходится предположить, что действуешь не ты, а другой человек. Это еще особ(енно) трудно, что судишь по данным, которые тебе представ(ляются) из собственного опыта, наблюдений, одним словом предполагаешь, что человек все-таки действует на основании нравственного убеждения и способен пересилить свою лень на первые минуты, приняться за что нибудь, потом пойдет уж не так трудно, но ты этого делать не станешь, одним словом, надо стать не тем, что ты есть.

Кстати ты упоминал про Рудина. В новом издании Тургенев прибавил к Рудину несколько строк. Он идет в 48 г. на баррикады, помахивая сабелькой и его подстрелил венсенский стрелок.

Я жду с нетерпением нового романа

---

2) Вчера вышел из лазарета, хотя не совсем еще здоров, но в надежде, что на свежем воздухе лучше поправишься.
(Прим. автора).

ГОСУДАРСТВО, ТЫ ЛЖЕШЬ...

(Из Фр. Нищше)

Буржуазной святыне — Государству с чувством откровенного и глубокого презрения посвящаю я этот бичующий стих.

Государство, ты лжешь... ты бессовестно лжешь и клевещешь...
И недаром тебя глубоко презирает народ!
Твои дряхлые руки скрипят, словно ржавые клещи,
Ухватившись за тех, кто безстрашно стремится вперед.
Государство, ты лжешь... ты безжалостный вор и разбойник,
И в груди у тебя вожделений грабительских страсть.
Ты взираешь на все, точно глупый и жадный покойник,
Что пытается мертвой рукою живое украсть.
Государство, ты лжешь... ты чудовищно-дерзкий мошенник,
Промотавший чужое наследство богатых идей,
И величье свое ты купило ценой унижений,
Обойденных тобою и тебе доверявших людей.
Государство, ты лжешь рассуждая о правде и праве!
Правды нет у тебя, ты источник порока и лжи!
Пресмыкаясь пред силой, служа лишь богатству и славе,
Грязь на трон возведя, ты воздвигнуло трон на грязи.
Государство, ты лжешь... угнетая и серп и орало
Ты народ обираешь, от скупости лютой дрожа;
Все, что есть у тебя, ты бесстыдно у ближних украло,
И твое достояние—плод твоего грабежа.
Государство, ты лжешь... ты проклятье и бич для народа,
И пока у народа хватает здоровья и сил,
Будет он ненавидеть тебя, как слепого смешного урода,
Что уродство свое идеалом для всех возгласил.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

Тургенева «Отцы и дети». Ведь Рудин, Лаврецкий, эти типы Тургенева уже отживают свой век, их оттеснило новое поколение. Каким-то он его представит?

Прощай. В июне увидимся на несколько дней.

П. Кропоткин.

РАВАШОЛЬ — ХРИСТОС УГНЕТЕННЫХ

Погиб под ножом гильотины
Свет мира — Пророк Равашоль.
В очах его смех голубиный,
А в сердце — змеиная боль.
Смотрите, о люди! смотрите!
Согрейте любовью сердца!
В мир грешный пришел Искупитель,
Почтим Равашоля — Христа.
Не он ли под рев динамита
На суд властелинов призвал?
Не он ли, безвинно — убитый,
К народу любовь завещал?
Отверженный, проклятый всеми,
Клейменный рукой палача,
Он ведал, что кровь его — семя,
Что смерть его — жертва труда.
Я верю в Христа — Равашоля,
Я знаю: Второй Иисус
Разбудит народную волю,
Разсеет народную грусть.
Недаром он смертью чудесной
Зажег Революции свет.
Я верю: Свобода воскреснет
На площади de la Roquette.
Восстанет от сна векового
Народ угнетенной земли
На гибель Кумира Златого,
Во имя безвластной Любви.
Тогда то под скрежет зубовный,
Под вопли и плач богачей,
Толпа устремится любовно
К истокам Свободы своей.
И крик роковой: гильотина!
Толпа прокричит, как пароль.
Свобода! Свобода Едина!
Осанна! тебе, Равашоль!

Анатоль Консе.

МАХНО
(ОТРЫВОК)

Носился на коне, по взрыхленным равнинам,
В дрожащих заревах полыхнувших огнищ,
Он революции огнем горел единым,
Нося ее в изгибах черных полотнищ.
Вспоенный неземным, застарелым гневом,
Как трехсотлетним терпким, бережным вином,—
Он вестью новых зорь, бунтующим напевом,
Увлек сердца людей в порыве боевом.
И жизнью очерствелой, будто нарочито,
(Знать, чтобы закалить его для нужных дел!)

В его горячем сердце было едко слито
Народа вся нужда, весь злой его удел.
В свирели пастуха протяжно-остром стоне,
В обузданном потоке ропщущих машин,
В разорванно — глухом кандальном перезвоне

И в одинокой жути камерной тиши, —
Он чуял мысль одну... и с нею неразлучен,
Он знал, что он придет, неотвратимый час
Иными молниями он вскроет чрево тучи,
Иным потоком вод прольется в гущу масс.
Иным значеньем вспыхнет речь и жест народа,
Иное слово бросит в потрясенный мир,—
И в час торжественный, час радостного схода,
Иных гостей чреду он созовет на пир.
И сил иных запас— в порыве воплощенья
Взорвет, размечет крепь бездушно-властных форм,
И принесет земле дар праведного мщенья
И творческих стихий необоримый шторм.
И он пришел. Февраль! Так нестерпимо жданный,
Пришел негаданно - нежданно как обвал;
И пошатнулся строй от мук и крови пьяный,
И зашатался трон зачумленный — и пал.
И непреклонной воли клич «Сарынь на кичку»!
(Степаном был в столетья брошен как кинжал)
Что цепью бунтов вел в коленах перекличку—
В лавине воль звенящим эхом задрожал.

САША-ПЕТР.

НОВЫЕ КНИГИ

Имеются для продажи ценные романы известного писателя И. Ф. Наживина:

«Древние письмена», «Недостроенный Храм», «Расцветший в ночи лотос», «Собачья Республика». Все эти книги с пересылкой — 1 дол. 10 сен., «Евангелие от Фомы» и «Неглубокуважемые» — по 1 д. 25 сен. с пересылкой.

Если вы будете выписывать все книги из магазина журнала «Пробуждение», то этим самым вы поддержите свой орган.

***

Нестор Махно
«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ»

Н. Махно был одним из организаторов и активных участников повстанческого движения на Украине в последней русской революции. Его книга охватывает годы борьбы на Украине с марта 1917 года по апрель 1918 год. В ней отражена вся жизнь революционного народа в самый бурный период русской революции. Будучи участником этого интересного исторического движения, автор разсказывает, как это движение возникло, как оно организовалось, за что и как боролось. В книге 216 стр. Цена с пересылкой 65 сентов.

Все заказы на книги убедительно просим направлять по адресу «Пробуждения»:

9219 Russell Street
Detroit, Mich.

Открыта подписка

НА ЖУРНАЛ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищескими приветом

Редакционная Коллегия.